ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1 5
Глава 2 22
Глава 3 43
Глава 4 68
Глава 5 81
Глава 6 97
Глава 7 113
Глава 8 129
Глава 9 153
Глава 10 177
Глава 11 196
Глава 12 215
Глава 13 234
Глава 14 252
Глава 15 272
Глава 16 288
Глава 17 305
Глава 18 323
Глава 19 340

Глава 1

Очнулся я не от света и не от звуков, а разбудил меня запах.

Густой, жирный запах гари, от которого сводило скулы. В нём чувствовалась примесь чего-то ассоциативно знакомого... Хм-м... Такой дух я чувствовал когда-то давно, ещё в годы медицинского студенчества, когда нас водили в приёмный покой и показывали тяжелораненых после аварий: сладковатый, тёплый, с металлической нотой запах крови, пролитой слишком много и слишком близко.

Я попытался открыть глаза, но веки не слушались — тяжёлые, словно налитые свинцом. В голове происходило что-то неладное. Боль пульсировала и то и дело вспыхивала короткими, ослепительными всплесками где-то у затылка и прошивала череп до самых глаз. Казалось, будто в голову с размаху вогнали ржавый строительный гвоздь-двухсотку и теперь медленно, без спешки, проворачивают его внутри плоскогубцами.

«Где я?» — мысль шевельнулась лениво, как сонная муха, увязшая в сиропе.

Я лежал на чём-то жёстком и неровном. Ладонь нащупала под собой вовсе не простыню, не ламинат съёмной квартиры и даже не бетонный пол склада. Это была земля. Сухая, выжженная земля. И рядом — что-то мягкое. Тёплое. Но ощущение было странным: не тем тёплым, успокаивающим, какое возникает, когда рядом лежит полуголая девушка, а каким-то чужим, тревожным и неприятным.

С трудом разлепив глаза, я увидел небо. Оно было затянуто дымом и отдавало грязно-жёлтым, а не привычной серостью промзоны, на которой прошли последние пять лет жизни. Я попытался осмотреть себя, недоумевая: «Это что, какая-то шутка, для которой я слишком глупый?»

И тогда пришло оно. Осознание. Но не сразу.

Сначала оно пробилось сквозь боль, как чужой отголосок, как мысль, не имеющая права на существование.

Я — казак.

Эта мысль выглядела нелепо, примерно так же, как если бы я вдруг решил, что я балерина Большого театра. Я — Андрей. Тот самый Андрей, который ещё вчера сводил продажи бытовой техники за день, ругался по телефону с логистами из-за сорванной поставки и мечтал лишь о том, чтобы этот проклятый рабочий день наконец закончился. Андрей, с прокисшим молоком в холодильнике и двумя тысячами рублей на карте до получки.

Но тело... Тело помнило другое. Оно помнило седло, вес шашки на боку и сухой вкус степной пыли на губах.

Я попытался приподнять голову и тут же едва не взвыл от нового удара боли. Перед глазами поплыло. Когда зрение немного прояснилось, я увидел вокруг себя людей. Тела. Груды тел в изодранной, старомодной одежде: кафтанах, портках, поршнях со стёртой кожей на ступнях... Казаки. И они все тоже. Я лежал среди них, наполовину придавленный чьим-то увесистым, уже неподвижным торсом.

— Э-хе-хе... — раздалось совсем рядом. — Этот, гляди-ка, ещё шевелится.

Голос ударил по нервам мгновенно. Я с усилием сфокусировал взгляд и различил фигуру, нависшую надо мной. Грязное, засаленное лицо, редкая бородёнка, беспокойные глазки. «Мародёр», — подумалось мне. В руке он сжимал нож, простой обломок хозяйственного тесака, потемневший от засохшей крови.

Он скалился, прикидывая, куда удобнее ткнуть, чтобы не испортить одежду.

В другой жизни — той, где я числился типичным менеджером по продажам, я бы, наверное, закричал или попытался отползти. Сейчас же сработало не это. Сработали рефлексы, но не «типичные рефлексы Андрея».

Время словно сжалось. Я отчётливо видел, как напрягаются сухожилия на его грязной шее, как на лбу вздувается вена, как заблестели глаза, и рука с ножом пошла вниз.

Сознание консультанта погасло. На его месте включилась мышечная память того тела, в котором я находился. Казака. И она странным,

пугающе точным образом совпала с моими собственными навыками айкидо. Теми самыми, которыми я последние годы занимался без всяких целей, просто чтобы не свихнуться от магазинной рутины.

Рывок.

Я не успел подумать. Всё дальнейшее происходило автоматически, как в тот момент из «Матрицы», когда Нео загрузили в голову боевые навыки, и далее он начал применять их холодно, без эмоций, но с полной уверенностью в каждом движении. Левая рука сама ушла вверх, встречая удар скользя, принимая его по касательной. Перехват. Инерция его замаха сыграла против него. «Но ничего, ты попытался», — спокойно подумал я, и моё лицо озарила лёгкая усмешка.

— Тэ-эк! — успел выдавить мародёр.

Я дёрнул его на себя и в сторону, одновременно подтягивая ногу и вбивая колено ему под рёбра. Он потерял равновесие и рухнул прямо на меня. Нож просвистел у самого моего уха и воткнулся в землю.

Завязалась потасовка. Грязная, вязкая возня на трупах. Он был тяжелее и от него разило давно немытым телом и чесноком. А я оказался... техничнее. Или увереннее. Или злее. А может, просто слишком хотел жить.

Руки двигались сами. Захват за голову. Поворот. Рычаг. Давление. Сильнее, сильнее, ещё сильнее...

Вдруг внутри у него что-то сухо щёлкнуло.

Раздался звук — короткий, тошнотворный хруст, похожий на то, как ломается сухая ветка под сапогом. Тело мародёра сразу обмякло, превратившись в бесформенный груз. Глаза остекленели, бессмысленно уставившись в никуда.

Я сбросил его с себя и пару минут просто сидел, переводя дыхание. Грудь ходила ходуном.

Потом я уставился на свои ладони. Они были залиты чужой кровью, липкой и ещё тёплой. И всё же это были не мои руки. Кожа грубее, пальцы в мозолях от поводьев, на костяшках — старые следы заживших ран, которых у меня никогда не было.

Я с силой ущипнул себя за предплечье. Больно. По-настоящему больно.

— Бред... — прошептал я. Голос сорвался, хрипел. — Это просто бред. Переутомление. Перегрев. Травануся просроченным куриным салатом из дискаунтера. Галлюцинации...

Но боль была настоящей. И запах палёного мяса — настоящий. И мертвец с неестественно перекрученной шеей у моих ног — тоже. Это был не сон. Не наваждение после бесконечных смен в торговом зале, где я годами перекладывал отчёты, ценники и служебные бумажки.

«Верно говорил мой дед, что жизнь — непредсказуема. Но я не думал, что настолько, — рефлексировал я. — Я продавал людям пылесосы, кофемашины, утюги и бесполезные расширенные гарантии, годами повторяя одни и те же вежливые фразы. А смысл?.. Сейчас всё это не имело никакого значения. Я убил человека руками, без

чужой воли и без помех. Сам, спокойно. Что самое интересное — осознание не вызвало всплеска чувств, как должно было бы, оно просто заняло место внутри, тягостное, но неподвижное. И вместе с ним пришло понимание: то, что произошло, останется со мной независимо от того, что будет дальше. Хм-м... Мне сейчас вспомнилась та сцена из „Во все тяжкие“, когда учитель Уолтер Уайт первый раз убил человека — наркодилера Крейзи-8. Сначала — шок и ступор, попытки рационализировать. Затем быстрое переписывание смысла: „я сделал, потому что иначе нельзя“. Груз остаётся, но тема закрыта. По сути, у меня примерно так же, наверное...»

Размышляя о «смысле жизни», я огляделся. Вокруг догорала степь. Чёрный густой дым стелился по земле, съедая горизонт. Слышались стоны, такие тихие, надломленные, безнадёжные, почти стыдливые. Кто-то звал мать, кто-то — жену, кто-то, видимо, боевого товарища, а кто-то хрипло просил воды. Остальные уже не просили ничего, они просто тянули воздух ртом или выли от боли, по-животному, пока хватало сил.

Мысли начали плавно выстраиваться сами собой. Тревога отступила, уступив место холодному, отстранённому вниманию. Я поймал себя на том, что смотрю на происходящее не как на кошмар... Нет, дереализации и деперсонализации у меня определённо не было. Было восприятие ситуации, которую нужно разобрать и пережить.

«Так, — пронеслось в голове. — Ситуация критическая. Я в чужом теле. Среда враждебная.

Возможны новые нападения. Первая задача — понять угрозы. Вторая — найти всё полезное вокруг. Третья — выжить».

Новая информация шла сплошным потоком, как для новорождённого, давила со всех сторон, и я начал разбирать её автоматически. Так же, как когда-то в предновогодней давке торгового зала разбирал проблемных клиентов: оперативно, без эмоций. Этот уже потерян и не встанет. Этот опасен, даже лёжа. Этот ещё дышит, а значит, может стать либо угрозой, либо ресурсом — стоить подумать хорошо, прежде чем действовать.

Да уж. Я жив. Я убил человека. И, похоже, это только начало моей смены.

Смрад остывающего поля боя уже забивал ноздри, мешаясь с пороховой гарью и запахом сырой земли. Я шёл, стараясь не встречаться взглядом с остекленевшими глазами тех, кому уже ничем нельзя было помочь. Внимание скользило по одежде, цепляясь за детали, пока взгляд не зацепился за человека, рядом с которым лежало характерное холодное оружие — пернач.

«Хмм... сотник?» — подумал я.

Память на мгновение подбросила обрывки из детства — старые книги по истории казачества, которые я зачитывал до дыр, мечтая о шашке и коне, а не о бинтах и скальпеле. Есть пернач, лежит среди рядовых тел, на первой линии, признаков отличий высшего командования не было. Да, скорее всего, сотник. Ностальгия мгновенно улетучилась, уступив место холодному анализу.

Он лежал неловко, с вывернутой рукой. Из плеча, примерно чуть выше подмышки, редкими толчками уходила жизнь, кровь была тёмно-красной. «Похоже, глубокое мышечное ранение, возможно, задело крупный сосуд», — подумал я. Страх, давящий и холодный, попытался сковать движения, но тут же отступил. Внутри словно щёлкнуло: я перестал быть растерянным человеком среди трупов. Будучи фельдшером по образованию, я собрался и снова смог действовать.

Я рухнул на колени рядом с ним, не думая о том, что штаны тут же пропитались кровью. Признаков поражения подмышечной артерии не было, как мне показалось при беглом осмотре. Значит, шанс оставался. Пальцы сами нашли нужное место и вдавились в плоть, перекрывая поток. Я давил жёстко, без жалости: иначе было нельзя.

Сотник дёрнулся. Глаза, мутные от боли и шока, распахнулись. Он не понимал, где находится, и не узнавал меня. Для него я был врагом.

— Уйди, пёс... — хрип вырвался, сорванный и слабый.

Здоровая рука метнулась, неумело, отчаянно, пытаясь оттолкнуть или вцепиться.

— Тихо, Мехтиич! Или как тебя там! — рявкнул я, перехватывая кисть и прижимая её коленом к земле. — Не дёргайся. Хочешь жить — терпи.

Он мычал что-то бессвязное, бред смешивался с яростью обречённого, но силы покидали его слишком быстро. Я не слушал. Мой взгляд рыскал по его снаряжению в поисках спасения.

Жгута нет. Аптечки нет. Ничего нет. Но есть кушак. Широкий, плотный пояс на талии.

Одной рукой я продолжал зажимать рану, другой тем временем рвал узел. Помог зубами. Ткань поддалась.

— Сейчас будет больно... — выдавил я сквозь стиснутые зубы, больше для себя.

Я прижал кушак к ране и затянул первый узел. Кровь всё ещё сочилась, но напор ослаб. Мало. Нужно давление. Я схватил обломок древка, валявшийся рядом, продел его в петлю и начал закручивать. Медленно, точно, добавляя усилие по чуть-чуть, пока пульсация под пальцами окончательно не исчезла.

— Вот так... — выдохнул я, закрепляя рычаг концами пояса, чтобы не раскрутился. — Ещё повоюешь.

Сотник обмяк и потерял сознание. Я нащупал пульс на шее, он был нитевидный. Слабый, но отчётливо прощупывался. Я сел рядом, вытирая красные от крови ладони о траву. Ситуация была удручающей: инструментов нет, лекарств нет, обезболивающего — тем более. Здесь, среди грязи и трупов, любая инфекция станет приговором. Без нормальной обработки раны его шансы стремились к нулю. Гангрена или заражение крови сожрут его за пару дней.

Разум упорно твердил: «Брось его. Он обуза. Он почти мёртв. Ты сам едва держишься на ногах. Просто уходи».

Я посмотрел на его лицо — серое, осунувшееся, в копоти и пыли. Бросить человека умирать

после того, как остановил кровь? Это было... не по-людски. Это шло вразрез со всем, чему меня учили, и тем, кем я себя считал.

— Чёрт с тобой, — тихо процедил я. — Когда-нибудь ты покинешь этот мир, но не сегодня, не в мою смену.

Подниматься стоило огромных усилий. Ноги гудели, но внутреннее напряжение ещё держало. Я начал методично обходить ближайшие тела. Но не в поисках оружия и драгоценностей, как могло бы показаться. Наверное. Мне нужны были банально палки и тряпки.

Я нашел несколько сломанных копий. Прочные ясеневые древки — как раз то, что нужно. Отшвырнув наконечники, я отобрал два самых длинных древка. Это будет основа. Теперь поперечины, ещё несколько обломков покороче.

Связывать было нечем, кроме разве что... Я встал на секунду, как вкопанный, задумавшись, но потом всё-таки начал стягивать плащи с двух убитых. Руки на мгновение замедлились. Раздирали угрызения совести, стыдно было трогать чужую одежду, снимать её с неподвижных тел, словно жалкий мародёр, ворующий у тех, кто не может ответить. А потом вспомнился фильм «Живые» с Итаном Хоуком. Но разумные мысли быстро отрезвили меня — им уже всё равно, а живому человеку это ещё может спасти жизнь.

Ткань оказалась грубой, шерстяной, тяжёлой от влаги и запахов, но крепкой. Я резал ножом и рвал её на полосы, ломая ногти, и вязал узлы,

стягивая древки в примитивную конструкцию. Морских узлов я не знал, поэтому делал только то, что умел, связывая древки крепкими узлами и затягивая их двойной петлёй, чтобы они не ползли под нагрузкой.

Кривые, уродливые, скрипучие, но они могли работать. Оставшиеся куски ткани я натянул между жердями, сделав подобие ложа.

Вернувшись к сотнику, я осторожно перекатил его на конструкцию, стараясь не трогать плечо. Он застонал рефлекторно, не открывая глаз. Рядом с ним прикрепил его пернач. Лямки из ткани врезались мне в плечи, когда я впрягся.

Я сделал пробный шаг. Волокуши с натугой поползли по земле, цепляясь за кочки.

Будет трудно. Чертовски трудно. Но я сжал челюсти и потащил, превозмогая боль, глядя вперёд. Туда, где в обрывках памяти этого тела должен был быть острог.

Каждый шаг давался с боем. Мой персональный адский марафон продолжался, и я уже не понимал, сколько прошёл и сколько ещё впереди. Волокуши скрипели, цепляясь за коряги и камни, будто сама земля не хотела отпускать нас живыми с этого проклятого поля. Лямки из скрученной ткани врезались в плечи, сдирая кожу. Боль была грубой, навязчивой, но полезной — она не давала провалиться в черную яму беспамятства, держала в реальности.

— Давай, консультант... — хрипел я себе под нос, сплёвывая солёную слюну. — Это тебе не

план продаж закрывать. Тут счёт простой: дошёл — живёшь, упал — конец.

Сотник за спиной иногда стонал, и этот звук подстегивал лучше любого кнута. Живой, пока ещё живой. Значит, я не зря надрываюсь, изображая бурлака на Волге.

Лес, тянувшийся вдоль дороги темной, угрюмой стеной, казался вымершим, но это была лишь иллюзия. Я чувствовал взгляды. Давящие, оценивающие. Спина, несмотря на холодный пот, горела, будто под прицелом. В какой-то момент, случайно скользнув взглядом по кромке кустарника, я увидел их.

Волки.

Серые, поджарые тени мелькали среди стволов. Они не спешили, не пытались напасть, а просто сопровождали нас, держась на почтительном расстоянии. Санитары леса. Они чуяли кровь, мою и сотника. Они видели, что добыча ослаблена, что она еле переставляет ноги. Они ждали ошибки. Точно как стервятники из отдела аудита перед годовым отчётом — ждут, пока ты оступишься, чтобы разорвать.

— А ну пошли вон! — заорал я, срывая голос.

Крик получился хриплым, вороньим, но злости в нём было на десятерых. Один из зверей, самый наглый, вышел на опушку, скаля жёлтые клыки. Он не боялся. Он оценивал риски.

Я остановился, не снимая лямок, нагнулся и подобрал ком засохшей земли. Поясницу прострелило, но я проигнорировал спазм.

— Пшёл!

Комок со свистом улетел в кусты и глухо ударился о дерево рядом с мордой хищника. Волк дёрнулся, клацнул зубами и отступил в тень. Не ушёл, паразит, а просто стал ждать дальше.

— Я тебе не жратва, сучара! — рычал я, снова налегая на лямки. — И он не консервы! Мы — невкусные! Мы — злые! Пода́витесь!

Я шёл и говорил. Говорил без остановки, не разбирая слов, лишь бы слышать собственный голос и не оставаться наедине с шорохами.

— Кто бы мог подумать, а, Андрюха? — бормотал я, переставляя ватные ноги. — Простой парень из Тюмени. Сидел в торговом зале, бумажки и товар перекладывал, на ипотеку копил, пересматривал неспешно вечерами по второму кругу сериал «Рэй Донован» от Showtime. А теперь что? Вот так попадалово... Сейчас бы чашечку горячего латте, а не вот это вот всё.

В прошлой жизни, в той, стерильной и безопасной, мои навыки сводились к умению уговорить клиента и составить красивую презентацию в PowerPoint для начальства. Здесь, в этой дикой степи, мои скиллы продаж стоили меньше, чем грязь под ногтями. Кому тут впаривать стиральную машину и фен для волос? Волкам?

— Ну что, волчата, кому первый кусь?.. — нервно хохотнул я и тут же закашлялся, словно курильщик с 50-летним стажем. Хотя я и не курю вовсе.

Зато пригодилось другое. То, что я считал просто хобби, способом выпустить пар после душной рабочей недели. Сплавы по Туре

с мужиками, когда гребешь до одури, а потом ставишь лагерь под дождём. Охота, где чаще просто бродили по лесам, чем стреляли. Рыбалка на озерах, где учишься терпеть комаров, холод и неудобства.

Оказалось, что мозг помнит. Помнит, как дышать, чтобы не загнать лёгкие. Помнит, как распределять вес ноши. Помнит, что нельзя останавливаться, когда мышцы начинают остывать, иначе потом просто не встанешь.

Медицина — отдельная история. Курсы первой помощи, пройденные когда-то «для галочки» в туристическом клубе, мой давний интерес к анатомии из-за айкидо, образование в медколледже... Всё это, сложенное вместе, сейчас было моей единственной валютой. Единственной, которая здесь имела цену. За золото жизнь не купишь, а за умение останавливать кровопотерю — вполне.

Шорох слева. Я резко развернулся, взмахнув палкой, поднятой ранее с земли.

— Пшёл вон! — гаркнул я. — Башку проломлю!

Волк, подобравшийся слишком близко, шарахнулся в сторону. Они чувствовали, что я ещё опасен. Что я не добыча, а загнанный в угол зверь. Это их и сдерживало. Пока.

Впереди, сквозь боль и сгущающиеся сумерки, начали проступать очертания. Сначала я решил, что это очередной обман зрения или мираж, может, от полубредового состояния. Но линии были слишком прямыми. рукотворными. Бревенчатый частокол. Вышка. Дым из труб.